

Запах смерти, витавший над полем, — тяжелый, земляной и горький, тем не менее был наполнен волнующей тревожной сладостью. Дым туманом стелился по земле, питаясь телами воинов, отдавших свои жизни за правое дело. При жизни трудно было представить себе более несхожие существа, но смерть породнила их, и теперь они лежали вплотную друг к другу меж дымящимися стогами сена и трупами лошадей, утыканных десятками стрел и походящих на неких чудовищных ежей. Невозможно было сосчитать, сколько жизней стоила эта битва, земля вплоть до самого Мураг-Нара, освещенного первыми лучами солнца и возвышавшегося вдаль, словно гигантский надгробный камень, была устлана мертвыми телами — сплошной ковер из трупов, на котором уже лакомились вороны, чье жадное карканье было словно больное эхо давно уже стихших криков.

Зара обвела взглядом поле, простиравшееся до самого горизонта, где вырисовывались четкие очертания выглядевшего грозным и неприступным замка Мураг-Нар с его башнями и зубцами, вырубленного темными эльфами тысячи лет тому назад из скального монолита. Однако после более чем двухмесячной осады минувшей ночью Мураг-Нар пал, но вместе с ним и бесчисленное количество людей и гномов, последовавших призыву короля Аарнума I освободить Анкарию от темных эльфов.

Зара не была уже той наивной, полной энтузиазма и одержимой жаждой деятельности девушкой, какой вступила в войну. Все иллюзии были смыты вязкой густой кровью, пролитой ее мечом. Когда-то прекрасный, безупречно чистый клинок стал шероховатым от мелких царапин и зазубрин; тройной закалки стали было все равно что рубить — кость или дерево, как и Заре той ночью, когда все, во что она когда-то верила, растворялось в крови и слезах. Война оказалась совсем не такой, какой ее представляла себе Зара. Совершенно иной.

Пустой взгляд Зары был обращен внутрь, такой же мертвенный, как и у лежавшего возле ее ног темного эльфа. Его черные, почти без зрачков глаза были широко раскрыты, а длинные острые зубы, казалось, готовы к нападению. Пока солнце постепенно поднималось все выше и занавес света медленно открывал поле сражения, Зара стояла, не двигаясь. Только когда неподалеку от нее молодая женщина с платком на голове в одежде служанки, обнаружив труп любимого, упала на колени в грязь и, стеноя, принялась качать на руках мертвеца, Зара стряхнула с себя оцепенение.

С застывшим выражением на лице она смотрела на служанку, стоны и плач которой заглушало хриплое карканье ворон. Кажется, впервые по прошествии вечности она испытала такое человеческое чувство, как сострадание. Плач женщины, как нож, ранил в самое сердце. Оглядевшись, Зара обнаружила, что служанка далеко не единственная, кто пришел на поле сражения искать любимого. Между телами мертвецов бродили согнутые фигуры, женщины и дети, некоторые — полные скорби, чтобы попрощаться, другие — чтобы забрать сапоги, мечи и щиты павших, прежде чем их кто-нибудь опередит. Мародеры невольно напомнили Заре ворон, гулявших по рядам мертвецов; каждый брал от павших воинов то, в чем нуждался.

Привычный ход вещей, круговорот событий.

Тем не менее горе служанки, оплакивающей любимого, тронуло в Заре струну, о существовании которой она никогда прежде и не подозревала. Она была не в состоянии точно определить это чувство, но неприятным оно не было, наоборот! Впервые за долгое время в

изнуренном лишениями и отмеченном сражениями теле она ощутила дыхание жизни, словно где-то глубоко внутри нее с каждой слезой, скатывающейся по щекам служанки и оставляющей белые дорожки на грязном лице, все больше разгорался маленький огонек, пока его тепло не отогрело наконец не только тело Зары, но и застывшую от пережитых ужасов душу. Словно решив, что пора пробудиться к жизни, Зара неожиданно сбросила с себя оцепенение и зашагала к горящей служанке — молодая воительница в испачканных кровью и землей доспехах, с вышитым фамильным гербом на спине.

Когда Зара остановилась рядом со служанкой, та подняла глаза. Воительница небрежно отбросила тяжелый шлем к ногам мертвого гнома в кожаном снаряжении, которое не смогло противостоять стальным клинкам темных эльфов.

Полные слез глаза служанки казались синими озерами на лице, которое, несмотря на слезы и грязь, было не лишено обаяния. Она качала на коленях голову мертвого мужчины, светловолосого воина из Маскарелля. Служанка вопросительно взглянула на Зару и со страхом отпрянула, когда та воткнула меч в землю рядом с нею.

— Не бойся, дитя, — сказала Зара. — Тебе нечего меня бояться.

Для убедительности своих слов Зара опустилась рядом со служанкой на колени. Зара вспомнила, что уже видела молодую женщину в лагере — та была одной из шлюх, набранных королем в поход, чтобы между сражениями поднимать мужчинам настроение. Длинные, завитые белокурые волосы крепились на затылке элегантным обручем, наверное, подарком мертвого офицера, которого она держала сейчас в объятиях.

Только теперь, в непосредственной близости, Зара обратила внимание, что девушка очень молоденькая, ей семнадцать-восемнадцать весен, не больше. Смазливая простушка из деревни, которая надеялась, что любовной связью с офицером из Маскарелля избежит участи провести жизнь между корытом для свиней и сеновалом. Но теперь ей не на что рассчитывать.

Служанка пристально уставилась на Зару испуганным взглядом раненой косули. Наконец собралась с духом и, помедлив, вымолвила:

— Мы... мы хотели пожениться...

И принялась нежно гладить волосы мертвеца.

— Он говорил, что, как только Мураг-Нар падет, мы вернемся в Маскарелль и сочтемся святыми узами брака. Он говорил, мы... создадим семью. Теперь он мертв, и я... я...

На глаза вновь навернулись слезы, и она начала горько плакать, сотрясаясь от судорожных рыданий, которые душили ее.

— Бедное дитя, — мягко сказала Зара, наклонилась и взяла молодую женщину за руку, которую та покорно, как тонущая, протянула Заре.

— Бедное, потерянное дитя...

Служанка крепко прижалась к Заре и дала выход слезам, в то время как Зара рукой в кожаной перчатке успокаивающе гладила ее по спине. Зара чувствовала ее теплое дыхание, чувствовала, как при рыдании, словно кузнечные мехи, поднималась и опускалась ее грудь, как сердце, питаемое кровью, неустанно распределяет искры жизни по венам и артериям тела. Она чувствовала биение чужого сердца — ритмичный, полной жизненной силы звук...

И внезапно внутри Зары вспыхнула искра, которая мгновенно переросла в единый все пожирающий огонь, охвативший тело и тут же прямо спаливший ее изнутри. Ноздри Зары затрепетали, и запах смерти повлек за собой, как аромат дорогих духов, — упоительный, манящий и в прямом смысле слова потрясающий.

— Бедное, потерянное дитя, — снова пробормотала Зара, но мягкие, успокаивающие нотки исчезли без следа, оставив пробирающий до костей холод.

— Ты еще так молода... Ты не должна больше страдать... — С этими словами Зара перестала гладить служанку, рукой глубоко зарывшись в густые волосы. Резким движением Зара запрокинула голову молодой женщины, чтобы обнажить ее горло.

Из уст служанки вырвался хриплый, полный изумления вскрик, но, прежде чем она попыталась освободиться, Зара ринулась вперед, как атакующая змея, опустив нижнюю челюсть, как невозможно нормальному человеку, и пока еще служанка пыталась понять, что происходит, Зара погрузила свои выросшие в долю секунды длинные, цвета слоновой кости клыки ей в горло.

Кровь брызнула в рот Зары, наполнила глотку и потекла сладким, благородным вином в горло, и она стала пить жадными глотками. Служанка еще пыталась бороться за жизнь, но пальцы Зары держали ее словно тиски. И пока Зара высасывала кровь и жизнь из своей жертвы, ее восприятие происходившего вокруг внезапно стало гораздо острее: голодное карканье ворон, елейный запах огня, тяжелые клубы дыма, слабым ветром тянувшиеся над полем сражения, плач и стенания женщин на поле...

Только когда душа покинула тело, Зара оторвала испачканное кровью лицо, с глазами темными и пылающими, как уголья, от горла жертвы.

— Вот кто я на самом деле, — пробормотала довольная Зара, — и даже вечность не изменит меня...